

Александр
Дунаенко

Афродизиак

Рассказы
о
взрослой
любви

Александр Дунаенко

**Афродизиак. Рассказы
о взрослой любви**

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Афродизиак. Рассказы о взрослой любви / А. Дунаенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746131-7

Книгу нужно давать молодым женщинам. Они должны понять, что мир мужчины, который может быть вполне моногамным (любить жену, быть привязанным и преданным семье, любить детей и т.п.) может вмещать и много параллельных жизней и событий. Мужчинам, понимающим и любящим Довлатова, Белова, Шукшина, чувствующим невероятную красоту фраз Набокова, есть чему удивиться, читая прозу Александра Дунаенко. А женщинам, любым женщинам, такая проза должна быть душевным бальзамом. Надежда Либерман. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746131-7

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Арбуз	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Афродизиак

Рассказы о взрослой любви

Александръ Дунаенко

Я подумал, уже в который раз – почему-то при всей доступности любовной тематики, при всём том, что и интерес к ней всегда повышенный, никто почему-то не хочет писать о любви и делать при этом хотя бы небольшое умственное напряжение. Ведь основной инстинкт – он же не только для размножения, а и для того, чтобы мы становились лучше...

Александръ Дунаенко

© Александръ Дунаенко, 2019

ISBN 978-5-4474-6131-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Арбуз

Представьте себе картину: приятным жарким осенним вечером вы идёте по городу. Представить я попрошу мужчину, потому что реакция на описываемое мной явление с точки зрения разных полов может быть неадекватной, если не полярной вовсе.

Итак, вы – мужчина, идёте в приятную осеннюю жару по городу и видите, как молодая леди у водоразборной колонки, приподнявши сантиметров на восемьдесят выше, чем того требуют приличия, край своей лёгкой юбки, ополаскивает в струе воды белую восхитительную ножку. Потом, без тени стеснения, проделывает то же самое со своей второй ногой. При этом длинноволосая красотка опирается на руку весьма достойного джентльмена, который всем своим видом показывает, что присутствует при совершенно заурядном событии, и этот канкан замедленного действия его ничуть не смущает.

Представили? Нормально, да? И скажите ещё, что вам не было приятно. Так вот. Молодая леди – это была Алиска, телезвезда города Актюбинска, а галантный джентльмен – я. Мы были на речке. Купались. Загорали. Съели арбуз. Впрочем, всё по порядку.

Алиса. Алисочка (или А-лисонька?). Экстравагантная. Язвительная. Неприступная. За десять лет знакомства мы и виделись-то раз пять-шесть – не больше. Всё при обстоятельствах каких-то странных и всегда на грани того, что вот-вот, да и случится непоправимое. Но оно не случилось. И всегда из-за двух причин: во-первых, Алиску, злую, я боялся. Во-вторых, что-то всегда мешало. Наверное, рок.

Впервые мы встретились на одной вечеринке. Вовочка Горбачевский на бегу меня с Алиской познакомил, я сразу стал её бояться, а потом, в компании, вдруг и оказался ещё рядом с ней. Неприступная скала. Изваяние. Сфинкс. Раскрашенная, надменная и холодная. Длинные ноги в чёрных чулках, пристёгнутых к чёрному тонкому поясу. Пояса вроде, как атавизм, анахронизм,

колготки потеснили эту усложнённую женскую оснастку, а на ней оказалось вот такое средневековье: чёрные чулки, пристёгнутые к чёрному тонкому поясу.

Я совершенно случайно оказался посвящённым во все эти милые подробности. Кто-то босой ногой всё наступал мне под столом на кончик пальца и я, пропустив несколько рюмок водки, бросил вилку под стол и отправился в разведку. Результат превзошёл все ожидания. Я вылез, взглянул на Алису и решил, что ошибся. Скала. Сфинкс. Но – хорошо, вкусно кушает, ведёт с кем-то немногословную светскую беседу. Я снова кинул вилку под стол и вновь обнаружил чулок, пояс и дивную стопу, которая, освободившись от туфельки, однозначно со мной заигрывала.

Отключился свет. В те времена временами в республике не хватало электричества, и республика его экономила, отключая. Лазить под стол в таких условиях не имело смысла. Зажгли свечи. Осторожно рукой я поискал под скатертью чудеса телевидения. В тот вечер руками под столом я наделал много глупостей, которые, к моему изумлению, очень искусно и незаметно для всех

поощрялись. Я даже не припомню, обмолвилась ли, перекинулась ли со мною словом холоднокровная Алисочка, но, когда стали подавать экипажи, у меня, при взгляде на её невозмутимое лицо, не нашлось даже смелости о чём-то её расспросить.

Я провёл бессонную ночь. Кусал, конечно, подушки и пытался отделаться от неотступного видения стройных ног с помрачающим ум пространством белой кожи между чулком и поясом.

Несколько иначе всё сложилось после вернисажа в облдрамтеатре. Естественно, Алиса была там, брала свои интервью. Январь. Я взялся проводить телезвезду домой. Ну и холодрыга

была в тот вечер! Как-то сами собой ноги занесли меня с этой девушкой на новостройку, где обычно убивают и насилуют молоденьких женщин. Иногда – грабят. Я поступил хуже. Почему-то я был нахальный в тот вечер, наглый. Целовал Алиску, пробрался под пальто холодными руками к голому телу. Поднимаясь по лестнице в чёрном доме, мы ещё пару минут назад говорили об этнических чистках в Боснии и Герцеговине. И вдруг, как голодные звери набросились друг на друга. Губы слились, вспыхнув уже заранее, и я убедился, уже без телевизора, как прекрасно Алиса владеет своим русским языком. Нам не пятнадцать лет, и нужно было что-то делать дальше. В окна без рам и стёкол дул промозглый, как на похоронах Ленина, январский ветер. Тут же, из досок и кирпичей, я решился спешно соорудить внебрачное ложе. Надеюсь втайне, что вот-вот Алиса меня остановит, скажет: «ты, мол, сошёл с ума, это невозможно» – и затею с играми на открытом воздухе мы как-то отодвинем до лучших времён. Мне ещё показалось, что мы, мужчины, быстрее остываем на морозе, чем женщины. И с каждым мгновением всё больше крепла мысль, что не ложе я здесь громозжу, а сам себе эшафот. Виду, однако, не подавал, уложил последнюю, неструганную, обляпанную цементом, доску и шагнул к Алисе раздевать. Думаю: уж тут она точно расколется, скажет их традиционное «ты сошёл с ума», и мы спокойненько, как брат и сестра, разойдёмся по тёплым квартирам. «Ты сошёл с ума» – сказала Алиса, двигая бёдрами так, чтобы мне было удобнее стащить с неё не по сезону тонкие колготки...

Ага, увидели многоточие и уже все подумали, что запели соловьи, и облака поплыли в небе? То, что случается в советских фильмах, не бывает в советской жизни. В конце концов (я с ужасом это осознал) – в конце концов, дело дошло и до меня, настал мой черёд. «Ах, дева русская, как хороша на морозе!». Нет, не всё вы знали в этой жизни, Александр Сергеевич. Полуобнажённая русская дева на глазах остывала на занозистых досках, а я задубевшими пальцами пытался преодолеть рогатки и препоны в виде ремня и пуговиц на своих брюках. Когда справился, то не удивился даже, что ничего не нашёл. Хороший хозяин на такой мороз даже собаку не выгонит.

Может, сказать ей «я тебя люблю» – малодушно подумал я. Наверное, это было бы уже слишком.

Мы оделись и, как брат и сестра, разошлись по тёплым квартирам. Я, конечно, Алиску проводил.

Спустя пару вечеров, я с замиранием сердца включил телевизор, во время Алискиной передачи. Думал: может, умерла? Или – лежит под капельницей в реанимации, в занозах, с крупным обморожением белых своих плеч и ягодиц. Зря боялся. Алиска выглядела прекрасно и за сорок минут прямого эфира ни разу даже не чихнула.

Никто, даже Эйнштейн, не смог бы никогда понять природу женщин. Женщина – это вечное испытание мужчины, искушение, это его крест. Это природный катаклизм. Совершенный аппарат для продолжения человеческого рода и отрицания мужчины. Соединиться с женщиной – это самоубийство, но оно освящено небесами.

Прошёл год. Или три. По каким-то делам мне понадобилось лететь в Москву. Тогда это было просто и дешево. Вся страна каталась за тридцать рублей, куда угодно, а совсем уж бесшабашные романтики могли на одну зарплату пролететь от Бреста до Находки и купить себе колготки.

Лето. Ночь. Ярко освещённое поле аэропорта. Измученное накопителями собрание пассажиров топчется у основания трапа авиалайнера. Я уже где-то наверху, вот-вот благодетельная стюардесса пропустит в чрево. Самолёта. Оглядываюсь. Внизу роется в сумочке Алиска. Выходит, попутчица. Лёгкое, расклешенное платье. Налетел порыв ветра, Алискино платье оказалось легче других. Полыхнуло, взвилось, поясок удержал его на промелькнувшей талии

от окончательной потери владелицы. Толпа увидела стройные Алискины ноги в несоветских плавочках. Мужская часть пассажиропотока впала в приятное ошолобенение. Остановись, мгновенье, ты – прекрасно! Есть только миг между прошлым и будущим...

Нечего и говорить, что всю накопительную дремоту и утомленность с меня, как ветром, сдуло. Тем самым. Дожидаюсь Алиски, согласовываю места и маюсь дурью, всё представляя Алискины ноги, увенчанные безыдейной заморской ерундой.

Летим. Телезвезда в своём репертуаре. Холодна. Неприступна. Скала. Изваяние. Сфинкс. Она же – молодая красивая девчонка, у которой, как оказывается, под платьем практически ничего нет. Говорим сугубо о Моне, Мане и Ван-дер-Линдене. К счастью, у меня с собой оказалась настойка боярышника, которую я предусмотрительно перелил в экзотический французский пузырёк из-под одеколона. – Аргентинский бальзам – говорю. Изготовлен по старинным рецептам ацтеков. Помогает при полётах и от морской болезни. Алиска доверчиво пьёт. К семидесятиградусной настойке боярышника хорошо подходит шоколадка. Я подсовываю телезвезде шоколадку.

Айсберг потеплел. Заговорили о Генри Миллере. Оказывается, Алиска может смеяться. Это не смех. Это какая-то провокация, у всякого терпения имеются границы. Мои вот-вот лопнут. – Пошли в туалет, покурим, – зову я Алиску. Чинно и благородно мы выбираемся в проход между креслами! Думаю: если Алиска сейчас упадёт на длинный аэрофлотовский половичок – я за себя не ручаюсь. Потом – хоть потоп. Хоть – женюсь. Может быть.

Алиска не упала. Она дошла, и я втиснулся за ней в стоячий летающий туалет. И мы даже один раз долго и страстно поцеловались. Наверное, всё испортил боярышник. Этот проклятый аргентинский бальзам. Алиска вдруг побледнела, обмякла. У неё явно назревал бурный диалог с главным предметом обстановки нашего гнёздышка.

Я позорно попятился.

До конца полёта Алиска просидела в кресле молча, прижавшись лбом к холодному иллюминатору, и потом мы даже не встретились в Москве.

Алиска жила в однокомнатной квартире со своей глухой бабкой. Я как-то к ней зашёл. Будто бы воды попить, или за Бодлером. Бабка сидела на кухне, смотрела в окно, мы с Алиской – в соседней комнате. Если у вас с вашей девушкой уже есть опыт совместной биографии, вы уже не тратите времени на посторонние разговоры. Даже просто на разговоры уже времени не тратите. Оказываясь с Алиской тет-а-тет, я не оставлял мысли перевести наши отношения на качественно новый этап. Тем более что у себя дома айсберг вовсе не казался айсбергом. Передвигалась среди своих книжных полок в коротком байковом халатике тёплая, домашняя, доступная. И, если бы не бабка... Она появлялась всегда неожиданно, всегда некстати. Обычно – именно в тот момент, когда я пытался употребить живой язык прикосновений. Она могла не выходить из своей кухни часами, но, стоило мне приблизиться к Алиске... Я, как ошпаренный, выдёргивал руки из таких мест, что и через месяц при воспоминании делалось невыносимо стыдно. Старуха была глухая, но не слепая. Судя по хохотку, она много ещё чего понимала.

Наверное, это был тот самый рок. И на этот раз – в виде бабки.

Однажды на кухне сидел я. Алиска хлопалась в ванной. Бабка скрутилась клубочком на диванчике в соседней комнате и, вместо окна, смотрела на телевизор.

Из ванной Алиска вышла не мокрой кошкой. Успела феном высушить длинные свои волосы, сделала укладку, обозначила, усугубила косметикой прелести молодого личика. Знают эти женщины, чем нас, будто бы непредумышленно, ранить. Им – лишь бы мы мучились. А с них самих всё – как с гуся вода.

Алиска вошла на кухню и остановилась, склонив голову, прислонившись к стене. За стеной сидела глухая бабка. Я близко-близко подошёл к девушке, постоял возле несколько секунд.

Медленно, за пуговкой пуговку, расстегнул халатик до самого низа. Распахнул его, даже с плеч откинув слегка назад. Поправил пушистые волосы. И отошёл к окну. Сел на табурет. Боже! И за что ты для нас создал женщину?!

Это был самый безопасный секс в моей жизни. Бабка за стеной, на подсознательном уровне, контролировала ситуацию. Но я благодарен ей за это. Мы, мужики, всегда куда-то спешим, торопимся. Как будто, уже раздевши женщину, мы чего-то там не успеем. А нет бы – попридержаться коней, взглянуть на этот прекрасный дар, рассмотреть, оценить, попробовать на вкус глазами, дать мыслям пропитаться обликом вашего будущего наказания.

Потом момент будет упущен. Как после сытного ужина, букет самого дорогого вина сливается в один кислый или сладкий вкус.

Кстати ли – мне вспоминается один случай. Друг Павлик привёз из Молдавии, из села Трифешты, редкостное вино. И заглянул к Павлику то ли кум, то ли сват. Нет ли, – говорит, – у тебя, Павлик, чего-нибудь выпить? И Павлик, желая угодить гостю, налил стакан коллекционного, натурального молдавского вина. То ли кум, то ли сват опрокинул стакан, крикнул. – Ну, как, Вася? – спросил Павлик. – А я, – ответил кум, – *смактанул* – и всё. Я эти бормотухи пью *залпом*, стараюсь даже не нюхать...

Вот так и с женщинами. Коллекционное вино мы зачастую выпиваем залпом, как обыкновенную бормотуху.

Я помню Алиску, ту, возле стены, до сих пор. Я смотрел на неё со смешанным чувством желания, удивления, восхищения. Теперь я знаю – дело не в красоте. Не в том, какая грудь у Венеры. Какие бёдра у Данаи. Действительно ли так гипнотически действует на мужчин соотношение груди, талии, бёдер? Отчего обыкновенная девушка становится Венерой на картине художника? Может, оттого, что Бог дал ему Любовь, но, как неодолимое препятствие, поставил холст между ним и женщиной?..

И так ли всё просто – за стеной сидела бабка, и я увидел богиню?

А, между тем, передо мной стоял живой человек. Алиска. И она тоже смотрела на меня. И мне не хочется расшифровывать тот, Алискин, взгляд. Наверное, потому, что вряд ли самому мне будет это приятно. Всегда, чего бы ты ни наделал в жизни, выглядеть хочется лучше, чем ты есть в действительности. Даже в воспоминаниях.

Скрипнули половицы. Бабка пошла в туалет. Алиска запахла. Поставила чайник на газ.

Сентябрь тогда наступил, или уже октябрь – не помню. Бабье лето. Паутина на праздной борозде. Жёлтые и зелёные листья ещё одинаково плотно сидели на ветках. Горожане торопились донашивать свои летние туалеты. По вызывающе летнему наряду я узнал в потоке людей будто бы мою Алиску (или – некогда мою Алиску. Нет, прочтает – обидится. Ведь ничего не было. Просто – мою знакомую Алиску). По вызывающе летнему наряду я узнал в потоке людей мою знакомую Алиску. Стал тихонько идти сзади. Юбка славненько просвечивала, так бы шёл и шёл за ней на край света. Подойти, окликнуть – неудобно как-то. Года два не разговаривали, даже не виделись. – Вы не знаете, как пройти на Центральный колхозный рынок имени Забытых Одуванчиков? – решился, как в прорубь прыгнул. О! – что это был за взгляд! Не рублём, правда, одарила, но снисхождения где-то на 90 коп. оказала. Допустила, кажется, к царственной особе. Ничего страшного, идём, о погоде разговариваем. Но – странное ощущение. Как будто нас что-то и связывает, но это что-то – тонкое, как паутинка. Тонкая паутинка бабьего лета.

Шли, как – не замечали. О чём говорили – тоже не имело никакого значения. Но – осторожно всё. С боязнью разорвать, разрушить. Как по тонкому льду среди горячей агонии осеннего лета. Попадался ли на пути базар с переулком Безымянный? Возможно. Потому что

в руках у меня оказался огромный арбуз, который в такой необыкновенный день нужно было съесть обязательно красиво.

Через рощу разноцветных тополей мы вышли к речке Илек. Край города. Автотрасса. Поле песка и посередине ручеёк с тёплой водой – Илек. Едва ступили на песок, Алиска сбросила юбку, кофточку. Край города, в двух шагах – автотрасса. И плавочки остались. Не дикий пляж.

Среди лопухов, прямо на песке, острым сучком, я разорвал на куски арбуз, красное, сочное корейское чудо. Это был самый вкусный арбуз в моей жизни. Мы с Алиской окунали лица в хрустящую сахарную мякоть, не прожевав, целовались. Излишки сока текли по Алиске, я их собирал губами – и не было никаких излишков. Я кружил её на руках, я отнёс Алиску к тёплому ручью и там целовал, целовал, целовал. Импортные плавочки совсем растворились в воде, я увлёк Алиску на берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.